

JOHN
RUSKIN

The Crown
of Wild Olive

ДЖОН
РЁСКИН

Оливковый
венок

УДК 7.0
ББК 87.8
Р43

*Перевод с английского Л. П. Никифоровой
Вступительная статья А. В. Маркова*

Рёскин, Джон

Р43 Оливковый венок / Д. Рёскин ; [пер. с англ. Л. П. Никифоровой ; вступит. ст. А. В. Маркова]. — М. : РИПОЛ классик. — 178 с. — (Авторская серия Джона Рёснина).

ISBN 978-5-519-64166-1

«Оливковый венок» Джона Рёснина — первый манифест творческой экономики: Рёскин доказывает, что умение любоваться красотой, простота жизни и солидарность не противоречат друг другу. Книга Рёснина стоит у истоков одновременно дизайна быта, «опрощения» и христианского социализма, напоминая нам о том, что эти принципы хотя и разнородны, но принадлежат единой антропологии: человек ответствен за свое взаимодействие с окружающей средой. В настоящем издании труд Рёснина снабжен предисловием профессора Александра Маркова.

**УДК 7.0
ББК 87.8**

ISBN 978-5-519-64166-1

© Марков А. В.,
вступительная статья, 2018
© Издание, оформление.
ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

ВОЙНА И МИР КРАСОТЫ: О КНИГЕ ДЖОНА РЁСКИНА

Оливковый венок в Древней Греции посвящался Афине, как лавровый — Аполлону, сосновый — Посейдону, а виноградный — Дионису. Олива, дар Афины своему городу, была основанием всех промыслов Аттики: без оливкового масла невозможно было не только прокормить все население, но и изготавливать многие материалы. Сломанная олива не гниет, а отломившись ветка может быстро прижиться и дать листья — хотя эти наблюдения образцовые поэтические преувеличения, но всякое такое поэтическое преувеличение и есть тот вдохновенный замах, который и позволяет потом сказать: «Олива — это Греция». Когда романтики воспевали «оливу мира» или тень старых олив или когда Одиссеас Элитис заявил, что Греция раскладывается на корабль, виноградную кисть и оливковое дерево, то олива — это возможность длительно существовать без суеты, спокойно созерцая плоды собственных трудов.

Был и другой оливковый венок, венок Олимпийских игр, посвященный Зевсу Олимпийскому. Он складывался из ветвей не промысловой, но дикой оливы, с ее терпкими и горьковатыми плодами. Здесь венок становился принадлежностью священного брака: победитель и победительница отождествлялись с Зевсом и Герой как солнцем и луной, и, увенчавшись оливой, они восстанавливали дары

мироздания. Так что оливковый венок — это награда промыслам двоякая, как неспешному мастерству и как мирозданию, которое требует не только созерцания, но и особого, трепетного участия.

Олива не раз становилась предметом изучения Джона Рёскина. Ученый любил включать аккуратно расправленные оливковые ветви в свой гербарий, в поездках по Италии обязательно останавливался рядом с оливами, изучая, как они сочетаются с ландшафтом, как их обширная корневая система требует особой земли, задерживающей воду, согревающей, земли, которая больше лелеет эти деревья, чем любая теплица. На одном из рисунков Рёскина (см. рис.) мы видим оливковую ветку, словно бы купающуюся в собственной тени, умеющую изобиловать влагой, но это изобилие меньше всего гордая раздутость — скорее сочное упорство.

Книга Джона Рёскина (1819—1900) «Оливковый венок» (1866) — часть его большого проекта по исследованию современной ему промышленности и доказательству преимущества ручного труда перед машинным. Разумеется, он понимал, что ручной труд тоже бывает суетлив, и тогда, обратившись к нему от стандартизирующей скуки машин, мы сделаем природе не лучше, а хуже. Поэтому вся его книга — исследование того, как руками можно трудиться с душой и тем самым создавать новый жизненный стандарт.

Это один из курсов лекций наравне с «Орлиным гнездом» или «Последнему, что и первому». Рёскин умел чи-

Оливковая ветвь и контуры двух листьев. До 1877 г.

тать публичные лекции, как просветитель, апологет и наследник довольно большой английской традиции университетской проповеди. Дело в том, что в английских университетах духовенство было не просто поставлено на служение народу: оно могло вполне становиться миссионерами, со знанием языков, или дипломатами, или даже политиками. Отстаивая значение университетов, они отставали возможность выполнять ту миссию, которую не выполняют чиновники. Рёскин, наследуя этой традиции, проповедуя подолгу, так что публика не разойдется, внес свой вклад и в самосознание университетов как места миссии. Хотя сами эти лекции читались в рабочих и военных школах, а не в университете, Рёскин произносил их как университетский преподаватель, временно отправленный на задание, как могли оксфордского знатока индийских древностей отправить с важным поручением в саму Индию.

В оригинале книга Рёскина называется *The Crown of Wild Olive*, что скорее следовало бы перевести «Венец из дикой оливы», а не венок — автор употребил слово *Crown*, а не *Wreath* не случайно. Венец, корона, в отличие от венка, не просто награда, которую можно носить с собой всё время. Это награда, которая находит своего героя: дикая олива отыскивает себе человека, умеющего ценить природу. Такова программа Рёскина, которую он развивал вместе со своим тогдашним другом философом Томасом Карлейлем, и которую потом подхватил Лев Толстой, — программа опрощения, которую сейчас чаще всего называют *simple*

living. Хотя идеал простой жизни можно возводить к Сократу, Будде, много к кому, но именно Рёскин придал ему новый смысл: не в том дело, чтобы ограничить свои потребности, но в том, чтобы делать только то, в чем есть настоящая потребность.

Чтобы понять место этой книги среди других сочинений Джона Рёскина, следует вспомнить некоторые обстоятельства его биографии. Рёскин был естествоиспытателем не меньшим, чем живописцем или теоретиком искусства, но его подход к природе был с ранней юности именно ручным. Природу надо было приручать, а не испытывать с помощью готовых безжалостных механизмов. Для этого надлежало преодолеть привычное разделение между наблюдением и лабораторной работой, нужно было найти еще третье место, кроме ландшафта и лаборатории, для понимания самой природной жизни. Такое место нашлось — это был собственный дом Рёскина, где можно было долгими вечерами вспоминать увиденное, зарисовывать листья и цветы из гербария или из памятных наблюдений, наблюдать общие свойства видов и те начала, которые и позволяют им существовать. В этом Рёскин оказывается даже предшественником Дарвина, который учил, что общность видовых признаков не может быть установлена только лабораторным исследованием, равно как и простым суммированием наблюдений, но требует внимания к их устойчивости — и почему они воспроизводятся, и почему они запоминаются.

Далее с ходом месяцев и лет важным для Рёскина было посещение Венеции еще в ранней юности, в 1835 г. Вене-

цию он назвал «раем городов», имея в виду не столько удивительную красоту, сколько особый ритм жизни города, стоящего на воде, в заливе, на огромных дубовых сваях. Рай — это прекрасный сад, и Рёскин увидел во всевластии дворцов, тихо склонившихся над каналами, в закрытых огородах, в храмах, хранящих власть над епархиями и монастырскими союзами, в сокровищницах, помнящих не только о заморских владениях Венето, но и об особом торжестве цехов и ловкости деловых лиц, способных влиять на мировую политику, образ рая. Это именно мир, не восхищающий своим богатством, а словно шелестящий своим богатством над миром, навевающий мысль о том, что перемены в политике и экономике должны быть умеренными, но при условии, что сама эта умеренность будет свободной и даже авантюрной. Юный Рёскин глубоко усвоил миф Венеции о себе самой как о мирном городе, возникшем среди трудовых занятий, а не военной узурпации, переворотов и языческих жертвоприношений, равно как и развел собственный миф о Венеции как об одном из центров настоящей духовной свободы.

Далее, для Рёскина идея ручного труда как одухотворяющего стала руководящей в его первых исследованиях, в частности в книге «Поэзия архитектуры». Рёскин доказывал, что архитектура тогда выигрывает, когда не просто вписывается в окружающий ландшафт, но использует продукты этого ландшафта — строится из местных пород деревьев или найденных на ближайшем поле валунов, а не только удобно умеет примоститься среди готовой рощи.